

ВЯЧЕСЛАВ БАТОВ

ДВЕРЬ НЕБА

РАССКАЗ

*Байкал мой, природы дух,
Байкал мой, снежной Сибири глаза,
Байкал мой, народа моего светлый ум,
Байкал мой, народа моего щедрая душа.*

Д. Улзытуев

1

В раннее ноябрьское утро последних чисел месяца судно класса “Ярославец” с портом приписки “с. Турка, респ. Бурятия” вышло из Нижнеангарска, самого северного поселения поселения озера Байкал, до посёлка Листвянка. По маршруту следования предполагался также короткий заход в пристань Сахюрта, в проливе Ольхонские ворота Малого моря. Рейс был не пассажирский и последний в навигации текущего года, поэтому пришлось долго уговаривать капитана, чтобы он взял меня на борт до конечного пункта назначения. Я не успевал попасть в Иркутск по срочной надобности, так что это был единственно возможный вариант оказаться на месте вовремя, транзитом

БАТОВ Вячеслав Сергеевич родился в 1969 году в городе Алмалык, в 1974 году семья переехала в город Братск Иркутской области. После окончания средней школы в 1986 году переехал в Иркутск. С 1986-го по 1995 год учился в Иркутском государственном техническом университете (ИрГТУ) по специальности “архитектор”. С 1999-го по 2001 год работал ассистентом преподавателя на кафедре рисунка, живописи и скульптуры архитектурного факультета ИрГТУ. В 1998 году стал членом Союза дизайнеров России. В 2001 году закончил Иркутскую государственную экономическую академию по специальности “экономическая теория”. Работал в сфере строительства и архитектуры в государственных и частных компаниях.

через Листвянку. Судно было гружённое рыбой, отчего трюм и палуба забиты коробами с омулем, сигом и хариусом. Пассажиров, как и следовало ожидать, на борту не было, поэтому, найдя удовольствие в блаженном одиночестве, в предвкушении мерной и спокойной поездки, я расположился на рундуке возле машинного отделения.

Мутная, молочная пелена над утренним Байкалом с еле видимым контуром тусклого солнца и непроглядными далями за бортом накрывала воздушным одеялом бескрайнюю гладь, желая уберечь покой великого исполина. Вся поверхность воды, с редкой рябью вокруг, чуть обеспокоенная перекатами мелких волн от движения судна, растворялась на горизонте в хлопьях рассветной дымки. Гулкий шум дизеля с монотонным рокотом тщетно пытался пробудить сон седого великана, местами уже скованного в ледяные тиски по бескрайним берегам.

Было во всем этом что-то великолепное и восторженное... То, как перехватывало в груди от девственной свежести байкальского воздуха, вдыхаемого до глубины лёгких; как от зябкой утренней промозглости ощутимо пробирало до костей, заставляя кутаться в воротник куртки, и всё это необозримое величие и само осознание бесконечности вокруг, наполняло необъяснимой радостью и покоем.

Над самой моей головой, совсем близко, раскачиваясь в потоках воздуха, чайки, белоснежные и размашистые, на правах хозяев брезгливо косились на меня, тут же стремглав бросаясь в воду, хватали оглушённую от винта рыбу, взмывали вверх, глотая её на лету, и опять повисали надо мной, в бирюзовой синеве неба, гаркая и толкаясь. Прodelывая этот трюк раз от разу, ненасытная свора настойчиво сопровождала путь нашего крохотного по меркам необъятности Байкала судна, медленно скользившего по зеркальной глади.

Чуть уже привыкнув к новой для себя дорожной обстановке и даже несколько заскучав от её монотонности, я достал из сумки припасённую в дорогу книгу “Балаганский сборник” Хангалова, редкое издание 1903 года. Ещё в порту, перед выходом начал просматривать её и как-то сразу увлёкся, оценив для себя специфику изложения, особенность языка и великолепную художественность этого произведения.

Теперь, открыв очередной раздел, прочитал с интересом следующее: “На юго-западной стороне есть царство Маса-Богдо-хана, где находится царь всей земли гора Сэмбэр-ула, на которой растёт царь всех деревьев Аха-зандан-модон, а царь всех трав Угитэ-саган-обохон растёт, обвившись вокруг царя всех деревьев Аха-Зандан-модон до самой вершины, откуда царь трав спускается опять вниз до половины дерева Аха-зандан-модон; на этой горе находится царь всех зверей Аргалан-зон, царь всех домашних животных Пегий Лончак (алак даган) и царь всех змей Абарга-мого. Со слов бурята Боханского ведомства Харитона Антонова”*.

До чего же забавное представление о мироздании, с каким-то умилением от прочитанного подумалось мне, и в то же время показалась довольно удивительной и интересной самобытность прибайкальских бурят, сохранивших первозданными свой национальный уклад и устои, без смешения их с иными культурами, в силу, видимо, географических и исторических особенностей местности и, может быть, даже везения, что веками эта земля никем не покорялась, и традиции бурят развивались обособленно.

Продолжил читать дальше: “Изредка “тэнгэрины” открывают дверь неба; если человек увидит, что дверь у неба открылась, и в это время что-нибудь попросить, то просьба его исполнится. Если дверь неба откроется на южной или западной стороне, это хороший признак; если же на северо-восточной, то это худо, и увидевший это человек будет несчастлив; чтобы избежать несчастья, нужно сказать:

*Если ты выворачиваешься,
И я выворачиваюсь!
Если ты изменяешься,
И я изменяюсь!*

С этими словами нужно снять с себя шубу, вывернуть вверх шерстью и ехать или идти далее...”

— Ну, это потрясающе! — восторженно вслух сказал я. Такое осмысленное восприятие природы в силу наблюдательности и способности анализировать происходящее и настолько первобытное, даже дикое понимание её причин: “снять с себя шубу и вывернуть вверх шерстью...” Вероятно, это помогло кому-то! — с естественной долей скептики расценил я прочитанное.

Закинув за голову руки, я растянулся на рундуке, размышляя о мироздании. Моё мечтательное состояние вдруг прервал металлический грохот. В машинном отделении, прямо рядом со мной, как-то совершенно внезапно распахнулась тяжёлая дверь, и на палубу вывалился человек. Из-под его ног пудей выскочил взъерошенный пёс, взвизгнул и сел чуть поодаль. Вид человека был довольно странный: невысокий, смуглый, с редкой, косматой бородкой, что в народе называют “козлиной”, в широком, подвязанном бечевою бушлате армейского образца, грязном и заношенном, надетом, как ни странно, на голое тело, бледное и тощее. На плоской, как доска, груди висела пара отшлифованных круглых медальонов: один побольше, стальной, другой из меди, меньшего размера. На ногах красовались необычного вида гутулы из старой, но добротной ещё кожи, расшитые по голенищу узором. Небрежно заправленные в них штаны из стёртой лосиной ровдуги лоснились до металлического блеска. Было что-то неожиданное в его не ладном, разобранном виде.

— Побрызгаем, что ли? — спросил незнакомец, достав из бушлата початую бутылку водки и гранёный стакан. Не увидев моей реакции, он молча налил полстакана, засунул в него грязный палец и, вытащив, начал брызгать им в сторону, щёлкая, словно щелбанами. Тут же большим глотком влил содержимое стакана в горло, сморщился и мгновенно рассовал своё добро по карманам. Обратив внимание на мою книгу, спросил:

— Культурой нашей интересуешься? — Взял в руки, пролистал бегло, без видимого интереса, с видом человека, будто уже и без того знакомого с содержанием, и положил бережно рядом. — Ты что не бурханишь? Нехорошо. Налить тебе?

Брошенное панибратское обращение даже чуть задело меня. Собака его столь же бесцеремонно обнюхала мою одежду, склизким языком облизала руку и села рядом, тарачась на меня единственным прозрачно-синим глазом, другой глаз был у неё закрыт.

Обтирая о крышку рундука слезь с руки, с чувством человека, потревоженного внезапным вторжением, я спросил недовольно:

— Ну, и что это за слово “бурханишь”?

— О-о-о... У нас, бурят, это называется подношение богам “духаалга”. Бурхан — это бог по-бурятски. Берёшь так вот этим пальцем, — выставив безымянный, сказал он, — макаешь в водку и брызгаешь в сторону, вверх. Так мы задабриваем богов. А знаешь, почему этим пальцем? — спросил он, ехидно при этом засмеявшись скрипучим, мышинным писком. — Эти пальцы для жены, — выставив рогаткой указательный и средний, — а этот для богов, потому что чистый.

“Ну, это бред какой-то...” — даже с некоторой досадой подумал я, услышав столь странное объяснение. Может, это шутка такая?!

Всё с большим удивлением воспринимал я этого необычного человека с возникшим почему-то желанием разглядеть его ближе, изучить, понять для себя, что это за личность.

— А ты бурят? Из местных?

— Бурят, конечно, бурят, не видно, что ли? — засмеявшись так же скрипуче, как прежде, но уже без ехидства, а с гордостью, ответил новый знакомец. — Баир меня звать. — Протянул мне руку, тонкую и костлявую, с довольно крепким пожатием. — Только я не местный бурят, я шенехенский бурят. Знаешь Шенехенскую долину в Забайкалье?

Я вопросительно пожал плечами.

— Это район Внутренней Монголии. При большевиках старики ушли в те места, тогда это были китайские земли, а до них были землями Тэмуджина, посвящённого в “тенгрии”.

Мало что понимая из сказанного, я заинтересовался разговором.

— Не захотели тогда старейшины принимать чужую власть, большевистскую или чью-то ещё, — продолжал Баир. — “Идущий кость возьмёт в зубы, лежащий живот потеряет”, — у нас, бурят, так говорится. Поэтому ушли в приграничный Китай. Сердце бурята, знаешь, как байкальский ветер: чистый, могучий и свободный, а ум-разум, как скалы Байкала: крепкие и мудрые.

— А как ты здесь-то оказался? Не ближний свет до Забайкалья.

— Я обратно вернулся, на землю предков, уже двадцать лет. Корни мои на Байкале, в этих местах. Приехал, устроился мотористом на пилораме, в Баяндае. Там встретил Дариму, она в отделе кадров работала. Сердце у меня сразу отобрала, красивая была. Лицо у неё круглое, белое, точно луна; глаза, как черемуха; губы, как спелые ранетки, и бедра широкие, в самый раз детей рожать, род продлевать. Сон потерял, долго ходил за ней, целое лето, замуж звал. “Бурят без женщины, словно сурок без норы”, — так старые люди говорят. К зиме жить вместе стали, в Еланцы переехали, дом поставил, она из Еланцов была, красивый посёлок, большой. На следующий год овец завёл, на омуля ходить стал, хорошая жизнь началась. Рыбу ловил, Байкал велик, рыбы много. — Баир задумался, копоша свою память, улыбнулся. Тут же нахмурился, продолжая: — Пока я промыслом занимался, она к соседу ходить стала, весь посёлок об этом заговорил, я тоже узнал. Забрал её домой, нехорошо, говорю, за спиной бегать, мужа позорить. Она косы себе остригла, наутро сосед мне в спину выстрелил, когда я скотину кормил. У нас, бурят, считается: если жена косы себе остригла, смерти мужа хочет. Долго потом в больнице лежал, промысел прошёл, без рыбы на зиму остался... — Баир замолчал, достал папиросы, закурил.

— Потом слышал, тяжёлая она стала, и вскоре духи забрали её. Теперь там живёт, — ткнул пальцем в небо, — “хатарха” пляшет и “тарасун” пьёт.

— Умерла?

— Да, умерла. Мне сон приснился тогда, что Дариму замуж отдают, это значит, она умереть должна.

— Так, может, и не умерла ещё, — с нескрываемой улыбкой сказал я.

— Умерла. Я плач “дунда хунхэн” слышал, это её средняя душа рыдала, когда духи поймали её и посадили в темницу.

— Духи среднюю душу поймали? Ну, это вообще, конечно! А сколько у человека душ?

— О-о-о ... При рождении у человека три души бывает: первая хорошая душа — это “заяши”, вторая — средняя душа. Когда, например, человек спит, средняя душа покидает тело и странствует по всему свету. Злые духи охотятся за ней, а когда поймают, человек умирает, и тогда средняя душа сама становится духом. Третья — худая душа, никогда не покидает человека. После смерти человека она никуда не уходит и остаётся сторожить тело. Эта душа при жизни человека никакого добра не делает, а делает только вред. После смерти человека хорошая душа улетает на небо; вторая, средняя душа становится духом и странствует по свету, а третья, худая душа остаётся с телом, и только когда тело сгниёт до костей, тогда эта душа делается вихрем. В середине этого вихря крутится дух. Три года назад приходил ко мне вихрь с душой Даримы, был он в виде моркови, сверху толстый и сужался к низу, и сверху был ещё глаз — глаз Даримы, я его сразу узнал. У каждой души есть свой вихрь. Когда ты видишь такой вихрь, нужно сказать: “Быть уколоту боярышником, быть застрелену семью стрелами”, — тогда вихрь сразу уходит.

Осмысливая услышанное, я не понимал, как всё это воспринимать: как народные предания и суеверия, как “ноумен” из философии Канта или как устойчивый кретинизм? С одной стороны, видеть в традициях именно фольклор, понимать, что это сказочные повествования, с элементами национальных мотивов, с другой стороны, верить в это свято, как мой собеседник...

Перекурив тем временем, Баир продолжил:

— Потом я в Хужир ушёл, на Ольхон, красивое место, море со всех сторон, ветра байкальские, понравилось мне, остаться решил. Тогда там Чимит

Даржиев жил, посвящённый шаман, “заарин” по-нашему, прошёл девять ступеней посвящения, великий человек. К нему я пришёл, по хозяйству помогать начал, рыбу ловить. Потом я “душин” стал — сказитель улигеров, бурятские сказания пел. Люди ценили меня. За это заарин Чимит меня мудрости учил.

— Какой такой мудрости? — спросил я. Баир задумался.

— О-о-о... Мы, люди, живём для того, чтобы познавать жизнь, чтобы приходила мудрость. Эта мудрость должна сопутствовать нам, поэтому у бурят всегда старых людей уважали, познавших мудрость. Верующий человек, достигший учение, познавший свою философию, ум-разум от своих богов, которых он почитает, этим он достигает свою мудрость.

— А ты верующий?

— Конечно! Я же шаман...

Я посмотрел на него с недоверием, удивился.

— Извини, пожалуйста, думаешь, если я дыгыл не одел, сила моя от меня ушла? Нет, конечно. Дыгыл — просто национальная одежда, а сила шамана, она всегда при нём, в его сердце-разуме и ещё в атрибутах шаманских, когда, взяв бубен, например, накрыв тахил, подношения там разные, начинает человек камлать или, мы говорим, булоха, лишь тогда он становится шаманом, пускает в себя “онго” — дух предков. Но сила шамана кроется ещё в толи. — Баир взял в руки начищенные до блеска металлические пластины, висевшие у него на груди. — Это толи, или зеркало по-вашему. Очень большая защита, энергетика, плюс вот ты всегда должен видеть себя в нём.

— Это как? — не понял я.

— Ну, если скажем... когда ты смотришь в зеркало, видишь себя... когда ты видишь себя, ты хочешь, наверное, быть сильным, умным, красивым, поэтому должен воспитывать себя. Вот для этого у шамана толи.

Невольно мой взгляд остановился на собаке, пёс молча сидел с открытой пастью, вывалив язык, внимательно слушал хозяина, порывисто дыша, коротко и глубоко. Посмотрев на меня, закрыл пасть, почавкал языком, моргнул своим синим глазом, опять повернулся к хозяину.

— А что с собакой, с рождения без глаза? — спросил я.

— О-о-о... Злые люди иногда хуже злых духов бывают. Собака эта в посёлке жила, среди людей, когда там скот пропадать стал. Люди решили, что это собака злых духов приманивает, у неё кончик носа красный. Буряты избегают такой собаки, считают, что это худо для скота. — Баир потрепал пса за ухо, тот виновато потупился. — Камнями её гнать стали, глаз выбили. Потом она ко мне пришла, осталась. Злые люди — глупые люди, ничего не знают. Это “бо-нохо”, или шаман-собака, она, как я, всё знает, злых духов видит, лаем прогоняет. Поперёк двери всегда лежит, злой дух не может через неё в дом войти. С моим “заяши” в дружбе живёт. Хорошая собака.

Пёс, поняв, что говорят о нём, застучал хвостом, как палкой.

Тем временем, разрезая необъятную гладь воды неспешным движением корабля, путь наш продолжался, оставляя за собой клиновидный разлёт волн. Утренняя сизая пелена уже растворилась, прояснив очертания горизонта, только усилив тем красоту и неповторимость природы Байкала.

По левому борту массивной каменной глыбой вырос мыс Хобой, острым многометровым клыком обозначив начало Ольхонских владений. Ржавая поверхность скалы густо обросла у самого основания ледяными наростами, нависая бирюзово-белыми шапками над зеркальной поверхностью воды. Миновав Хобой, наше судно пересекло северную границу малого моря, ту часть Байкала, что отделена от большой воды островом Ольхон, положим и низменным, с редкими мысами вдоль побережья. С правой стороны уже отчётливо протянулись неровно очерченные, заснеженные вершины Приморского хребта. Впереди по курсу, словно сказочная мифическая птица с каменным крылом, выступала из воды гигантская скала острова Огой. Судно прошло медленно возле её острых перьев, что позволило детально разглядеть нахлёсты гранитных пластин по бокам, изрубленный контур гребня и наплывы грубо высеченных ветром ледяных глыб по северной стороне острова.

— Как же это нереально красиво! — в порыве чувств воскликнул я.

Баир скривил лицо, с одобрением покачал головой.

— Байкал не всегда добрый. Старики рассказывали, как сто лет назад недалеко от мыса Кобылья голова об эту каменистую гряду с южной стороны Ольхона сильная буря враз разбила несколько кораблей. Это злой хан Эрлик, хозяин подземного царства, наслал ураганным ветром страшное чудовище, гигантского змея Абарга-мого. Всё это потому, что происходит нарушение гармонии, которое человек сам создаёт. — Увидев моё недоумение, Баир взялся пояснять сказанное. — О-о-о, скажем, вот есть средний мир у нас: растительный мир, животный мир, мир людей, мир духов, мир божеств... и всё это должно находиться в гармонии, тогда злые духи не будут враждовать с высшими божествами за обладание средним миром. Человек пришёл от божеств и сам стал частицей богов, поэтому он должен молиться божествам, духам трёх сфер, чтобы они защитили его от злых духов.

— Ну, а если не молиться, тогда что, дух обидится?! — ёрничая, спросил я.

— Знаешь, вот мы говорим боги-божества, они в принципе, в сознании намного лучше нас и выше нас, но любое наше оскорбление их — это нарушение гармонии. Мы сами создаём себе препятствие.

— Какое препятствие?

— Это значит, человек сам находит себе яму, чтобы упасть.

За время беседы я даже не заметил, как погода испортилась и прозрачное небо затянулось пасмурными серыми тучами грибовидной формы, словно чугунные плиты заполнили в несколько слоёв всё пространство над грядой Приморского хребта. Порывистый ветер хлестал по лицу, обжигая ледяными каплями, когда перед глазами открылась эпическая картина: над зубчатой вершиной Приморского хребта, над самым остриём трёхголового гольца, на высоте полутора километров, тяжёлый сумрак облаков вдруг расступился и открыл прозрачную, иссиня-бирюзовую щель, похожую на открытый глаз, с которого, словно каплями слёз, начали отрываться клочья облаков, падая вниз по склонам гор в самое ущелье. Тягучий поток холодного арктического воздуха, как с отвесной стены, обрушился в этот момент в долину реки Сарма. Набирая немыслимую скорость, понёсся он по изгибам ущелья в сторону Байкала. За сотни тысяч лет ветер нещадно уничтожил всё живое на отвесных склонах, пересекая любые попытки появления новой жизни. Закручиваясь по каменистым обрывам в спираль, как пружина, с каждым извилистым поворотом, ветер, всё набирая и набирая скорость, достигнув широкого горла Сарминского ущелья, шквалом вылетел в дельту реки Сарма на пологий берег Байкала.

Под напором ветра многотонные валуны вековых курумов с грохотом покатались по ложбине вниз; на нескольких домах бурятского прибрежного посёлка шиферные крыши медленно приподнялись, чуть покачиваясь, и, подлетев вверх, опрокинулись плашмя в сторону. Достигнув Байкала, ветер легко раскидал рыбацьи лодки и редкий топляк на берегу, после чего, вылетев на водный простор, вдруг затих на мгновение, словно выбирая себе жертву, и тут же по вспененным волнам с угрожающим рёвом понёсся в направлении нашего крохотного судёнышка, которое при полной работе двигателя беспомощно барахталось на месте, не в состоянии справиться с напором волн.

От такой немыслимой картины мы с Баиром, как замороженные, застыли в оцепенении. Только пёс, поняв всю трагичность ситуации, с визгом умчался в машинное отделение, в секунду исчезнув за дверью. Тут же сильнейший удар, как невидимый молот, обрушился на правый борт. Невесомым поплавок судно накренилось на бок, щедро зачерпнув ледяной воды. Короба с рыбой слетели, порвав фалы, и кучей рассыпались по палубе.

Не успев выровняться, раскачиваясь из стороны в сторону, судно подверглось новой атаке, более мощной и более продолжительной. Неведомая сила, как щепку, развернула корабль боком и потащила на каменистый гребень мыса Кобылья голова.

Повернувшись, я увидел, что Баир, соскочив с рундука, тоже бросился в открытую дверь дизельной. Тут же сообразив, я рванул за ним, в надежде спастись от урагана, но вдруг передо мной предстала поразительная по

своей несуразности и выразительности картина: голый по пояс Баир, как дикая кошка, выпрыгнул на палубу с бубном в руках. Не обращая внимания на сумасшедший хаос, он начал в исступлении кружиться, стуча в бубен, то приседая, то подпрыгивая вверх, сливаясь своим гибким телом со шквалом ветра. Резкие порывы нещадно рвали его длинные седые волосы, облепленные бусинами льда, мотали в разные стороны пластины на груди, всплесками бликов игравшие в пасмурной мгле. Ребристое тело, угловатые плечи, сухие, как прутья, руки с тугими жилами слились в одно целое с шаманским бубном. Срывая голос, шаман неистово кричал громче обезумевшей стихии на своём бурятском языке.

Взбешённый Абарга-мого — тенгри тёмного мира, царь всех змей, — приняв вызов шамана, взвился чёрной тучей над самой мачтой, замер на секунду, собираясь с силами, и со всей страшной яростью накинудся на судно, скрипом палубы застонавшее под натиском стихии. Отлетев затем к рубленным скалам, изогнув по-змеиному спину, оттолкнулся, сдирая ледяную корку, и, диким рёвом сотрясая небо, нырнул в бездну тяжёлых вод, взрывая поверхность Байкала тысячами брызг. Подняв тут же метровые вспененные волны, разогнал их до неимоверной скорости и бросил на судно, разбивая и без того уже слабые борта. Развернувшись затем, Абарга-мого взлетел до самой вершины мёрзлого хребта, застыл на мгновение и, в припадке ярости отрывая куски льда, начал швырять их на палубу, завывая, как бешеный зверь. Ледяная россыпь всё больше и больше сыпалась под ноги шамана. Топча осколки льда, как битое стекло, он всё громче, не переставая, кричал свою песню и всё настойчивее бил в свой бубен, взвываясь в шаманском танце. Было что-то безумное во всей картине противостояния злого духа и шамана, ярости бушующей стихии против упорства и бесстрашия человека.

Перелом в ситуации наступил неожиданно... Солнце, до сих пор скрытое за занавесом свинцовых туч, пробив брешь в их плотных слоях, ярким пятном осветило залив малого моря. Напор волн отступил, и судно, почувствовав ход, обогнуло мыс Кобылья голова, едва не задев его острые камни. Миновав опасность, судно вышло в пролив Ольхонские ворота, держа курс на большую воду Байкала. Постепенно ветер стих, бирюзовая синева неба разорвала скопление густых облаков, осветив уже всё небо. Воздух наполнился запахом свежести, как после дождя, обдавая теплом лицо и руки.

В Сахюрте судно причалило к паромной пристани. Баир со своим псом на поводке сошёл по трапу на берег. Одет шаман был уже в национальный дыгыл синего цвета, отороченный по вороту и рукавам меховой отделкой, пояс туго перетянут жёлтым кушаком, на голове меховая шапка с остроконечной красной верхушкой. В таком виде Баир мало походил на человека, который только что вступил в схватку со злым духом.

Не оборачиваясь, он шёл вперёд своей дорогой, только пёс его, не привыкший к поводку, путался в ногах, то и дело поскуливая.

Спустя пару лет я увидел своего знакомого шамана на местном телевидении. Передача называлась “Наследие культуры бурят Прибайкалья”. Баир, совершенно не изменившийся с последней нашей встречи, воодушевлённо рассказывал об элигерах, духах, символах бурят, о бурятской культуре, носителем древних традиций которой он был, и с радостью делился тем, что было ему так знакомо и близко, с чем он действительно жил и во что верил.